

от 24 АВГ. 1945

Москва

Том 1

Летопись Художественного театра

Статьи и материалы, опубликованные в первом Ежегоднике Московского Художественного театра, посвященные главным образом Чехову, Горькому, Станиславскому и Немировичу-Данченко. Для Московского Художественного театра в этих letech заключено все — и прошлое, и сегодняшнее, отсюда все пошло и отсюда все стремится вперед.

С живым интересом читаются в книге прежде всего новые строки из переписки этих людей, связанных между собой редкой в искусстве творческой дружбой, или из воспоминаний о них. И когда встречаешь в письме Горького к Станиславскому такие строки: «У меня в душе, дорогой Константин Сергеевич, встреча с Вами оставила впечатление четкое, радостное и успокаивающее: видя таких людей, как Вы, и вершишь credo в будущее родины и любви ее горячий», — то вполне ясно ощущаешь, на чем была основана эта нерушимая и выдержавшая все испытания дружба, — на общей и страстной любви к такому искусству, которое близко к народу, задевает, по слову Пушкина, «струны его сердца», и зовет к лучшему будущему. Такая дружба не только допускает, но даже диктует иногда «восстание» против друга (вспомним протест Горького против мисснеровки «Бесов»), но только эта мужественная и требовательная дружба и является подлинной. И именно такова была дружба Горького и Чехова со Станиславским и Немировичем-Данченко.

С этой точки зрения особый интерес приобретает воспоминания Станиславского о Чехове, до сих пор известные по частичной записи их Сулержицкого, а теперь публикуемые в книге полностью с подлинной рукописи. В них одинаково интересен и сам «воспитатель» с его исключительной правдивостью и тот портрет живого Чехова, который возникает под его пером. И здесь, на первом плане, не только быт, не только личное обаяние Чехова, во то огромное, что он нес с собою для искусства театра. И когда Станиславский упоминает о том, что Чехов ни «скомплиментов», ни «поощрений» не высказывал, говоря лишь при случае: «Нельзя же, пожалуйста. У вас же серьезное дело», — то это очень точно и верно вскрывает ту повышенную требовательность, с которой относился Чехов к своей дружбе с МХТ.

Воспоминания Станиславского о Чехове переключаются в книге с воспоминаниями Качалова о Горьком. В них особенно хорошо передана влюбленность молодежи МХТ в Горького, с которым она встречалась в Крыму в 1900 году. «Мои новые товарищи вернулись в Москву, и я языка у них не сходил: «Горький сказал, Горький прочитал... Даже: «Горький пропел». Качалов вспоминает, как волновался Горький, когда Чехов был страшно оттолкнут чествованием на премьере «Винниного сада». Чехов он привел отдохнуть в качаловскую убогую, говоря: «Чорт бы дал эту публику, этих чествователей! Чуть не на смерть зачествовали человека! Взмутительно! Надо же меру знать! Таким вниманием можно совсем убить человека, — волновался и возмущался Алексей Максимович».

Как известно, с такой же нежностью и любовью относился к Чехову Горькому. В воспоминаниях Станиславского и Качалова эти исключительные отношения охарактеризованы подробно и ярко.

Огромную ценность и значение имеет начавшаяся публикация обширной переписки Станиславского и Немировича-Данченко. Пока опубликованы лишь первоначальные и разрозненные главы этой своеобразной эпопеи, охватывавшей всю жизнь МХТ. Мы как бы присутствуем при беседах этих двух замечательных людей и видим не только, как влияли они друг на друга, но и чем именно влияли, какими особенностями их мышления и творчества. Увлекшему классикой Станиславскому его собеседник, на-

М. ЗАГОРСКИЙ

пример, замечает: «Если театр посвящает себя исключительно классическому репертуру и совсем не отражает в себе современной жизни, то он рискует очень скоро стать академически мертвым». И когда вспоминаешь, что «Чайка» появилась на сцене МХТ благодаря влюбленности в эту пьесу Немировича-Данченко, то делается особенно понятным, почему именно МХТ стал театром передовой и современной драматургии, а его постановки классики, по словам того же Немировича-Данченко, в том же письме, отражали «благороднейшие современные идеи». В свою очередь Станиславский вкладывал в это общение свой гений новатора, открывателя новых земель. В ответ на сообщение своего соратника об успехе инсценировки «Карамзовых», Станиславский пишет ему: «Любуюсь, горжусь, и люблю Вас всем сердцем...».

Для Немировича-Данченко успех инсценировки был прежде всего успехом метода, и он пишет Станиславскому:

«Если с Чеховым театр раздвинул рамки условности, то с «Карамзовыми» эти рамки все рухнули. Все условности театра, как собирательного искусства, волетели, и теперь для театра ничто не стало невозможным. И в ответ на него Достоевского, Станиславский выдвигает имя Льва Толстого и телеграфирует своему соратнику: «Уже мечтаю об иллюстрации «Мира» в первой половине будущего года и «Войны» во второй половине сезона юбилейного. Это имя было для Станиславского священным, и узнав о смерти Толстого, он пишет: «Какое счастье, что мы жили при Толстом, и как страшно оставаться на земле без него. Так же страшно, как потерять совесть и идеал».

Красота служения родному искусству Станиславского и сила мысли и вдохновенный труд зодчего Немировича-Данченко — вот что наглядно выступает при первом же ознакомлении с фрагментами этой переписки, к сожалению, скупо представленной в сборнике.

Нет возможности в небольшой статье не только исчерпать, но даже упомянуть об всех материалах, вошедших в огромный по листажу том «Ежегодника». Отметим лишь, что тема творчества Станиславского и Немировича-Данченко не ограничивается их перепиской, а как бы пронизывает весь сборник, начиная со вступительных статей Н. Волкова и П. Маюкова, продолжая публикацией режиссерских комментариев Немировича-Данченко к «Грозе», «Трех сестрах», «Анатэме» и «Винниного сада» и речам его и Станиславского на юбилее МХТ и кончая воспоминаниями

В. Симова, Н. Литовцевой, Гремиславских и др. Даже в посмертной статье В. Сажновского об Островском на сцене МХТ режиссерские и актерские поиски и находки Станиславского и Немировича-Данченко даны на первом плане.

Особое место в сборнике занимает переписка О. Бокшанской с Немировичем-Данченко во время зарубежных гастролей театра в 1922—1924 годах и обзорная статья Н. Мицк об откликах зарубежной печати на спектакли театра, уже с 1906 г. начавшего пропаганду русского искусства за границей. С чувством законной гордости читатель познакомится с отзывами крупнейших зарубежных писателей, артистов, режиссеров о спектаклях МХТ. Слова Антуана о том, что «...он, отец современного французского театра, должен учиться у москвичей...», типичны для большинства откликов мировой печати и в полной мере высказывают значение не только МХТ, но и всего русского, национального театра для развития мирового сценического искусства.

В разделе, посвященном умершим за последние годы деятелям МХАТ, помещены статьи Н. Хмелева о Л. Леонидовиче, В. Вилекина о М. Лилиной и В. Качалова о В. Лукомом. Из этих статей особенно привлекает внимание статья Качалова, еще раз свидетельствующая о том, каким незаурядным литературным дарованием он обладает.

О сегодняшнем Художественном театре, его последних постановках и работах во время войны говорят статьи А. Солдовникова, М. Кнебель, В. Вербицкого, Е. Калужского и Б. Ростюцкого. К этому же отделу принаикает запись замечаний В. И. Немировича-Данченко во время работы над «Последними днями» и запись его же замечательной речи о Сталинских премиях на митинге работников театра 20 марта 1943 года. Слова Владимира Ивановича: «Где, в какой стране сейчас, в этом пожаре всех стран, где можно найти что-нибудь подобное тому положению, которое занимает актерский мир у нас?» были продиктованы тем ощущением глубокой связи советского искусства с жизнью всей страны, той связью, которая особенно ярко проявилась в годы Отечественной войны. Они звучат как завещание художника-патриота своему театру.

В заключение несколько критических замечаний.

Архивы МХАТ и его музея настолько богаты неиспользованными материалами, что нет нужды заполнять ежегодники перепечатками. Если понятны мотивы перепечатки воспоминаний К. С. Станиславского о его пребывании в немецком плену в 1914 году, затерявшихся в «Русских Вечностях» и ныне представляющие большой интерес, то вызывает недоумение перепечатка (да притом еще с сокращениями) статьи Л. Сулержицкого о композиторе Илье Саце из широко известного сборника «Илья Саце», вышедшего в 1923 году. Если «Ежегодник» обязан фиксировать спектакли за отчетный год, то обязательно ли это делать в форме рецензии, какой является статья Б. Ростюцкого о «Глубокой разведке», по содержанию повторяющая рецензии других изданий на этот спектакль? Нам думается, не рецензиями должен заполняться этот отдел, а режиссерскими экспликациями, записями рецензий и прочими материалами, входящими в историю МХАТ.

Впрочем, все это мелочи, в сравнении с тем ценным и важным, что дает вышедший том. Он собран, отредактирован и издан с огромной любовью к предпринятому делу, обещающему (судя по аннотированному уже содержанию второго тома за 1944 год) многое не только историкам МХАТ, но и всем, кому дороги судьбы нашего искусства.

